

сестричка
с паркетом

Наталья
Лукьянова

Ты мне судьбой
обещан был

Наталья Лукьянова

Ты мне судьбой обещан был

«Центрполиграф»

2010

Лукьянова Н. Г.

Ты мне судьбой обещан был / Н. Г. Лукьянова —
«Центрполиграф», 2010

Никита Балашов, без пяти минут олигарх, конечно же не ездил в метро, так же как и скромная студентка медвуза Лиза не вращалась в тех кругах, в которых привык бывать он. Но так случилось, что крупному бизнесмену пришлось ехать в подземке. Поезд качнуло, и юная девушка оказалась в объятиях Никиты, злополучная искра пробежала между ними... Лиза не могла и представить себя рядом с этим взрослым, вальяжным и женатым человеком. Сначала она сбежала от любви в учебу, потом замуж, стала отличным специалистом, а счастье так и не пришло. Утекло немало времени, прежде чем они поняли — от судьбы, от этой немислимой, неукротимо обрушившейся на них любви не убежишь, не спрячешься и не отложишь ее на потом...

© Лукьянова Н. Г., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	16
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Наталья Лукьянова

Ты мне судьбой обещан был

Глава 1

Машина в тысячный раз судорожно дернулась, через секунду резко остановилась и обреченно замерла. Уже сорок пять минут Никита Александрович Балашов, крайне занятой и серьезный человек, торчал в безнадежной пробке, которая грозила никогда не рассосаться. Явление, к сожалению, не новое, скорее привычное для огромного мегаполиса. Никита Александрович давно научился справляться со шквалом эмоций в подобных ситуациях. Что толку метать громы и молнии, психовать и выпрыгивать из собственных штанов, когда от тебя лично ничего не зависит? Нервный всплеск негативных эмоций положение вещей изменить не в состоянии. Балашов давно научился подавлять раздражение и старался использовать вынужденные паузы с мало-мальской, но пользой. Можно новости послушать, сделать несколько звонков, набросать в уме планы на текущий день. Обычно он так и выстраивался – и всегда выигрывал. И самообладание сохранял, и время проводил с пользой.

Но нынче был совершенно особый случай. Именно сегодня он не имел права на опоздание. Слишком долго и трудно шел к своей цели, а ведь его ждет катастрофа, из-за элементарной московской пробки дело многих лет жизни может улететь в тартарары. Он едет на очень важное совещание в надежде выиграть отличный и крайне перспективный тендер на строительство объектов в прекрасном южном городе. Объяснять заместителю городского головы и остальным серьезным и очень занятым людям причину опоздания – не только некорректно, просто нелепо. Никита раздраженно взглянул на часы, ругнулся в сердцах про себя, открыл дверь и вышел из машины. Впереди, сзади, по бокам – везде плотно сгрудились разноцветные, разномастные автомобили, потерявшие скорость и блеск. Ни малейшего просвета, стоять придется не меньше часа, это как пить дать. Никита вернулся на место, включил аварийку и, как только застывшая автомобильная армада дернулась в очередной раз, чтобы проехать полметра и вновь застыть в тоскливом ожидании, попытался пробиться к правой обочине. Маневр удался, но не сразу, пришлось изрядно попотеть и помучиться, чтобы осуществить задуманное. На шестой раз его усилия увенчались успехом. Балашов заглушил мотор, шумно и коротко выдохнул, выбрался из машины, нажал на кнопку сигнализации и, не оглядываясь на брошенного посреди города железного друга, на всех парах помчался к ближайшей станции метро.

Чувство юмора никогда не подводило Балашова. Сейчас, вопреки обстоятельствам, он вдруг подумал, что непредвиденная утренняя пробежка – прекрасная возможность проверить физическую форму. Никита Александрович, забыв про седину на висках и некоторую вальяжность, рванул вперед со скоростью спринтера. Мимоходом ловил на себе удивленные взгляды прохожих. Ничего странного, людей понять можно, картинка еще та. По тротуару несется здоровенный, не очень молодой мужик в строгом, очень дорогом костюме, с тяжеленным портфелем из натуральной кожи. Нет, совсем не зря он регулярно ходил в тренажерный зал. Еще чуть-чуть – и он будет в подземке. А вот и заветная красная буковка. Отлично! Он принял абсолютно верное решение. Черт с ним, с автомобилем, заберет, когда освободится. Балашов вошел в вестибюль станции метро и похолодел. Напрасно он радовался. Да-а-а, давненько не ездил в общественном транспорте. Очередь к окошкам кассы сразила наповал. Народу было невообразимое количество, очередь двигалась настолько медленно, что было немудрено запаниковать. Похоже, судьба-злодейка решила испытать его на прочность, развлечься и подбросить не очень остроумные, довольно колючие шуточки. Несмотря на нервозность, Балашов не переставал удивляться переменам, происшедшим с самым популярным московским обще-

ственным транспортом. Да, наверное, лет десять он не спускался под землю для того, чтобы добраться в нужное место.

Наконец вожделенная карточка оказалась в руках. Никита Александрович недоуменно вертел картонный кусочек, который ему небрежно выбросили из окошка кассы. Пришлось, как наивному провинциалу, озираться вокруг и подглядывать, как управиться с этим достижением прогресса, чтобы миновать турникет. Смехотура полнейшая. Коренной москвич стушевался в метро. Потом, когда сегодняшняя гонка закончится и все встанет на свои места, можно будет посмеяться над ситуацией. А пока совсем не до смеха. До совещания осталось немного времени. Вместо того чтобы собраться с мыслями, приходится трястись в переполненном вагоне, уцепившись за перекладину. Абсурд – и более ничего.

То ли машинист слишком резко затормозил, то ли это в порядке вещей, но в какой-то момент вагон тряхнуло не по-детски. В ту же секунду на груди Балашова оказалась молоденькая девушка. Видно, не успела найти опору, решила, что удержится на ногах, хотя в принципе падать в переполненном вагоне все равно некуда. Но чуточку просчиталась, рывок оказался настолько сильным, что девушка угодила в объятия чужого человека. Все произошло очень быстро и неожиданно. Балашов еще не понял, каким образом реагировать на то, что под мышкой его поднятой левой руки беспомощно барахтается девчонка. Он недоуменно наблюдал за попытками девушки вернуться в прежнее положение. Наконец ей удалось оторваться от Балашова, она отстранилась, подняла голову и виновато прошептала:

– Извините.

Никита оторопел на какой-то миг: он никогда не видел таких глаз. Девушке было на первый взгляд лет двадцать, хороша собой она была необыкновенно. Балашов пожалел, что случайное объятие, если можно его так назвать, уже в прошлом. Такую девчонку обнимать бы да обнимать.

– Да что вы, пустяки, – пропел он в ответ с интонацией прожженного ловеласа, – пожалуйста, пожалуйста.

Девушка неожиданно густо покраснела. Она старательно делала вид, что ничего особенного не произошло, но то, что она смущена, было видно невооруженным глазом. Очень молодая и крайне милая особа.

С ним случился пустяк, обыкновенная житейская ситуация, которая не имела ровным счетом никакого значения, не способна была повлиять на дальнейший ход событий и уж тем более – что-то изменить в его судьбе. Но Балашов не мог оторвать взгляда от девчонки, которая стояла практически рядом и изо всех сил изображала из себя независимость. Интересно, кто она? Скорее всего, обыкновенная московская девушка из хорошей семьи, наверняка учится в престижном институте, встречается с таким же замечательным, как она, мальчиком-ровесником. Какая чушь лезет в голову, прости господи. Он взрослый человек, у него забот полный воз и маленькая тележка в придачу, еще немного – и он опоздает на важнейшее совещание, и ему есть о чем подумать, а вместо этого в голову лезет всякая чушь. Это на него так поездка в метро действует. Несмотря на то что по натуре он не дамский угодник, и уж тем более не бабник, а убежденный однолюб. Не в его характере мчаться сломя голову за дамой, завидев смазливую мордашку. С чего бы это на старости лет екать сердцу из-за пустяка? Даже несколько неловко от глупых мыслей.

А все равно хороша девчонка до невозможности. Был бы помоложе лет на пятнадцать, не устоял бы. Кожа чистая и свежая, нежная, такая бывает только у рыжеволосых. Густые волосы насыщенного медного оттенка склоты на затылке в несложный узел, но выглядит незамысловатая конструкция изысканно, нарочито небрежно и очень стильно. Прической девчонка напомнила Балашову чеховских героинь. Безупречный овал нежного лица, идеальные черты, светящаяся кожа, не испорченная веснушками, как часто бывает у рыжиков, необыкновенные

глаза – огромные, немного грустные, глубокого серого, почти асфальтового оттенка. Вылитая Мадонна с картин эпохи Возрождения.

Пока он со своими сверстниками бился не за страх, а за совесть за место под солнцем, какие девчонки подросли на московских дрожжах! Красота. Настоящее чудо. Есть на что полюбоваться. Это вам не ПТУ номер пятнадцать с обгрызенными ногтями, выкрашенными во все цвета радуги. От одного взгляда на рыжеволосую красавицу душа пела. Не девчонка, чистый рафинад, редкость музейная.

Балашов остро пожалел, что девушка вышла из вагона раньше его, но очень скоро забыл об этом. Через две остановки была его станция. Выйдя из метро, он окончательно выбросил из головы странные мысли о рыжеволосой красавице и своих утренних приключениях. Лирические отступления – вещь слишком зыбкая и совершенно непродуктивная. А он человек реальный и крайне занятой настоящим делом, чтобы мечтать, да еще не старости лет, о московских девушках.

Глава 2

Послезавтра состоится событие необычайной важности. От одной мысли об этом Елизавете хотелось рухнуть на любимый диван и повалиться в глубоком обмороке, жаль, что у нее не было такой возможности и определенных навыков. Компания школьных друзей из детско-юношеской фазы довольно быстро перешла в новую стадию развития. И виноват в этой не самой веселой истории был лучший друг и товарищ, который первым решил поиграть во взрослую жизнь. При этом он умудрился соблюсти абсолютно все глупые законы и рутинные правила взрослых, серьезных людей, которых еще недавно самолично высмеивал и презирал за слепую веру в условности. Старшее поколение всегда давало повод для шуток, жалости и недетского стеба.

Кирилл, заводила, вечный двигатель и генератор идей, с мнением которого считались все без исключения в их компании, главный пофигист по жизненным принципам, ни с того ни с сего решил жениться. Все было бы ничего, публика, как говорится, была в курсе и прекрасно понимала, что рано или поздно это должно произойти с каждым, но не в двадцать два года! Решение Кирилла для многих из дружной компашки стало большой неожиданностью, надо заметить, не самой приятной.

Во-первых, пока никому не приходило в голову задумываться об этой стороне жизни всерьез, во-вторых, все и так было замечательно. С какой стати усложнять течение бытия, надевать на безымянный палец кольцо, на шею ярмо семейной жизни, мучительно придумывать, где и, самое главное, каким образом жить вдвоем? Необдуманных решений и странных выкрутасов можно было ожидать от кого угодно, только не от Кирилла.

Елизавета могла бы еще месяц назад побиться об заклад, что Кирилл женится лет в тридцать—тридцать пять, если вообще когда-нибудь решится на этот шаг. А получилось совсем наоборот. Радости его решение не вызвало, скорее народ призадумался, загрустил и на довольно продолжительное время погрузился в уныние. Глупость несусветная! Зачем жениться, когда ты еще не закончил учебу, не определился с работой, не решил вопросы с военкоматом, не имеешь собственного жилья и доходы твои по сегодняшним временам – курам на смех? Твое благополучие и комфортное существование на девяносто пять процентов зависят от родителей, каникулярные подработки билетером в кинотеатре или менеджером низшего звена в занюханном магазине дают возможность заработать только на мороженое и на один поход в бильярдную. Какого черта при таких условиях устраивать представление под названием «свадьба», нестись сломя голову в ЗАГС, учинять переполох среди родных и друзей. Хорош муж, нечего сказать. Молоко на губах не обсохло, кроме гонора и нереализованных амбиций, за душой ничего, а туда же.

Елизавете было обиднее за приятеля, чем всем остальным. Они с Кириллом выросли вместе. Их квартиры находились на одной лестничной площадке, и, сколько она себя помнила, Кирилл был рядом. Их еще с детского сада дразнили женихом и невестой. В школе просидели за одной партой целых одиннадцать лет, помнится, между ними, классе в восьмом, даже некоторые романтические отношения прорезались.

Узнав главную новость дня, Елизавета долго не могла прийти в себя. Много перепуталось в ее несчастной голове. Во-первых, Кирилл был для нее не просто соседом, одноклассником и приятелем по жизни, он для нее оказался роднее и ближе, чем некоторые родственники, во-вторых, она его знает как никто другой и совершенно не в силах понять, что случилось с лучшим другом. Ну влюбился, с кем не бывает... Да ради бога! Влюбляйся себе на здоровье, никто же не против, все исключительно за. Только зачем сразу устраивать этот цирк с белым платьем, кольцами, свадебным тортом, лимузинами, шариками, приглашением на торжество многочисленной и крайне озабоченной родни с обеих сторон и прочей туфтой?

Уму непостижимо, что происходит. Полное ощущение того, что парня заколдовали или зомбировали. Поневоле поверишь в любой мистический бред. При встрече Кирилл выглядит полным идиотом, несет жуткую ересь, на себя не похож. Из самоуверенного бунтаря и нигилиста он в один момент превратился в слюнявого идиота, на которого больно смотреть. Еще тяжелее Елизавете было осознавать, что эта свадьба лишает ее возможности запросто вызвонить Кирилла среди ночи, чтобы пожаловаться, поплакаться, когда муторно, или просто поболтать по душам. Это несправедливо. Они знакомы всю жизнь, их отношения проверены годами и миллионами всяких ситуаций, которые случались по жизни, – смешных, трагических, радостных и не очень. Их духовное родство ближе, чем у некоторых кровных сестер и братьев.

И тут как гром среди ясного неба. Появляется неизвестно откуда чужая по всем параметрам незнакомая девчонка, о существовании которой никто не подозревал, женит лучшего друга на себе, и ей совершенно по барабану, что до этого у Кирилла были друзья, подруги, своя жизнь, мечты, планы. Эта наглая захватчица вклинивается без спроса, совершенно беспардонно в жизнь многих людей только по одной причине – замуж захотелось. А по-другому и не скажешь, как ни крути. Девочка, на которой решил скоростежно жениться ее лучший друг, не москвичка. Жить красавице в столице очень трудно, снимает, бедняжка, комнату на двоих с подружкой. Елизавета – девушка широких взглядов, вовсе не ворчливая ханжа. Но внутренний голос ей настойчиво подсказывает: друг совершает по жизни очень серьезную ошибку. Она слишком хорошо знает Кирилла, чтобы поверить, что он влюбился безоглядно и, самое главное, – навсегда. Понятно, на какое-то время он потерял голову. Но это очень плохой повод кардинальным образом менять собственную судьбу. Свадьба, семейное тихое счастье – это не про него. Кирилл натура увлекающаяся, но с таким же успехом остывающая. Женитьба – ответственный шаг, это не детская игра в дочки-матери.

Незавидная по внешним параметрам, но очень целенаправленная и хваткая девочка из далекого захолустья умело взяла самонадеянного столичного лоха в оборот, что очевидно для абсолютного числа окружающих. А этот баран уперся рогом, слушать никого и ничего не желает. В кружок бальных танцев записался вместе со своей новообретенной пассией, только для того, чтобы вальс станцевать на собственной свадьбе. Уму непостижимо, как этот циник и хохмач за три месяца знакомства со своей красавицей превратился в полного идиота! Родители и друзья на грани обморока, а этот кретин не понимает, на что подписывается. Такое ощущение, что придумал себе новую игру и увлекся. О последствиях не думает совершенно. Можно рвать волосы на всем теле, находить миллион самых убедительных аргументов, только все это – совершенно бесполезно. Кирилл изменился в одночасье, превратился из московского пижона в невменяемого дебила с навязчивой идеей.

Поверить в то, что это настоящее и необыкновенное чувство, мешают некоторые обстоятельства. Ситуация тривиальная, пошлая и шита белыми нитками для всех, кроме главного виновника предстоящего торжества. Девочка с экзотическим именем Регина, которая умудрилась взять в оборот лучшего друга, собой ничего не представляет. В разряд роковых красавиц она не вписывается. Зато хватка у нее смертельная, с первого взгляда понятно: своего не упустит. Познакомился Кирилл со своей невестой в магазине, нет, она не выбирала в этот момент изысканные наряды и не покупала драгоценности. Никакой романтики, девушка работала продавщицей в винно-водочном отделе. А где и кем прикажете работать красавице с одиннадцатью классами за спиной, которая приперлась из далекой Казани покорять столицу? Вот как, оказывается, бывает. Зашел молодой человек в магазин купить пачку сигарет – и жизнь показала в другую сторону.

Поскольку бороться с сумасшедшими не имеет смысла, приходится подчиняться обстоятельствам. Только и осталось наблюдать с чувством легкой горечи, как у тебя на глазах по собственной дурости пропадает лучший друг. Ситуация, конечно, не безвыходная, все можно за три минуты вернуть на круги своя, но самое ужасное состоит в том, что Кирилл не хочет

этого делать. Это примерно то же, что и попытка избавить алкоголика от пагубной зависимости. Можно нанять сто сорок лучших специалистов, применить новейшие технологии, но без личного желания пациента избавиться от губительной привычки – невозможно!

На славное мероприятие идти нет ни малейшего желания, но тут, как говорится, от тебя ничего не зависит. Елизавета не имеет морального права бросать лучшего друга в трудную минуту. Придется сжать зубы покрепче и перетерпеть все это безобразие. В конце концов, можно выпить лишний бокал шампанского, чтобы не терзаться понапрасну.

На пороге лето, а на душе противно и смутно. С Кириллом не удастся поговорить по-человечески, он все время занят, постоянно вне зоны доступа. Зато его мама Антонина Сергеевна каждый вечер льет слезы на их кухне и проклинает все на свете. Слушать ее ежевечерние стенания нет никаких сил. Дошло до того, что после института не хочется идти домой. Антонина Сергеевна – очень хорошая женщина. Елизавета ей глубоко сочувствует и разделяет материнские опасения, но распускать нервы до такой степени не годится. Она понимает, Кирилл единственный и любимый ребенок, все складывается не так, как мечтала родительница. От такого неадекватного поступка даже самый сдержанный родитель способен завывать волком и совершить не очень умные действия. Но если честно, человек разумный должен втихаря и желательно в гордом одиночестве выплакаться в подушку, когда его никто не видит и не слышит. Это лучше, чем каждый вечер страдать, митинговать на чужой кухне, грузить пусть даже самых лучших и близких друзей своими проблемами. Друзья тоже не в райских кущах живут, у них собственных забот полон рот, и каждый новый день прибавляет новые. Их тоже пожалуй требуется и выслушать иногда не помешало бы. Но несчастная мать жениха так упирается своим горем, что все остальное для нее перестало иметь значение.

Антонина Сергеевна женщина не из слабых, характером обладает бойцовским. Всего в непростом жизненном марафоне добилась только благодаря негибимой силе воли и упорству. Кирилла вырастила в одиночку, потому что личная жизнь не сложилась с самого начала, муж оказался никудышный и к тому же большой любитель выпить. Антонина Сергеевна долго терпеть выкрутасы суженого не стала, выгнала его к чертовой матери из дома за два месяца до рождения Кирилла. С тех пор от него не было ни слуху ни духу, но ни мать, ни сын от этого никогда не страдали. Выглядела Антонина Сергеевна для своих лет фантастически. Фигура девичья, короткая стильная стрижка в образцовом состоянии, одежда из хороших магазинов, ни за что в жизни не скажешь, что у нее взрослый сын. Работала в очень солидной компании начальником большого отдела. Елизавета подозревала, что руководитель она справедливый, но очень строгий. Соседка о себе не забывает, часто ездит за границу, регулярно ходит в спортивный клуб. Не женщина – образец для подражания. Елизавета обожает мать своего лучшего друга. Трудно представить, что поступок сына выбил почву из-под ног современной, уверенной в себе женщины и заставил ее превратиться в обыкновенную растерянную тетку, которая никак не может взять себя в руки. Такое поведение для нее скорее нонсенс, чем норма. Как только зайдет в гости, сразу начинаются стоны, охи и вздохи, нет сил терпеть ежевечерние скорбные посиделки на собственной территории. С одной стороны, Елизавете хорошо понятно душевное состояние соседки, но иногда помимо воли ее охватывает раздражение. Сколько можно биться в истерике, когда уже все давно решено. Если бы это могло изменить ситуацию, тогда понятно. А то – странная картина получается. Днем Антонина Сергеевна носится по городу и хлопочет о будущей свадьбе, вечером оплакивает несчастную судьбу и прощается с жизнью. Они с мамой, как добрые соседи и сердечные друзья, вынуждены выслушивать бесконечные жалобы и сочувствовать чужому горю, забывая про собственные дела и проблемы.

День свадьбы лучшего друга не задался с самого утра. Во-первых, резко испортилась погода. Противный мелкий дождик начался еще ночью и, судя по всему, не собирался в скором времени прекращать свое мокрое дело. Не самое большое горе во вселенском масштабе,

но если учесть, что программа предстоящего праздника крайне обширная и включает в себя много мероприятий, кроме регистрации и банкета, оптимизма погодные условия не добавляют. К тому же она обязана выглядеть не просто хорошо, а блестяще. А попробуй это сделать, когда прическа страдает от влажного воздуха, а наряд и обувь – от противных луж.

Торжество должно было начаться довольно рано. Для открытия церемонии невеста из глубинки заказала для себя и жениха настоящую карету. Решила поиграть в принцессу. Молодожены проедутся по старинному парку в карете XVIII века со всей атрибутикой того времени, а гости, в соответствии со сценарием, будут изображать восхищенную свиту: стоять по обеим сторонам дороги и радостно приветствовать жениха с невестой. Это только начало спектакля. Карета доставит молодых к дверям Дворца бракосочетания, где и состоится событие исторической важности. После регистрации молодожены сменят допотопное транспортное средство на современный лимузин, причем единственный в своем роде, окошки у него в форме сердец, видали? Для гостей заказаны еще две шикарные и страшно дорогие машины, которые у многих вызывают восторг, но Елизавете они почему-то напоминают мультяшных гусениц. Такие же разукрашенные, неуклюжие, нелепые. Путешествие по родной столице из прејскуранта свадебных увеселений исключить нельзя. Глупость и полная пошлятина, видимо, не имеют предела. Во-первых, не оригинально, во-вторых, помпезно и напыщенно до невозможности, в-третьих, поездка по городу, который задыхается от пробок, на неповоротливых машинах, на взгляд Елизаветы, является полным бредом.

Региночка решила поразить столицу купеческим размахом и широтой? Смешно и глупо, никого этим сегодня не удивишь. Это вам не деревня и даже не поселок, здесь никто не станет восхищаться чужими потугами, в лучшем случае случайные прохожие скользнут равнодушным взглядом по кортежу, а то и усмехнутся иронично, завидев привязанную куклу на капоте машины, многочисленные шарики и бантики. Скорее посочувствуют, чем позавидуют. В маршрут включены, конечно, Поклонная гора, Красная площадь, Царицынский парк. Предусмотрена обязательная и нескончаемая фотосессия на память о событии необыкновенной важности. Как же не запечатлеть такое? Пока профессиональный фотограф будет снимать счастливых, пока те отпустят на волю томящихся в клетке голубей, гости будут изнывать рядом. Но это еще прелюдия. Основное действие намечено провести не в кафе или ресторане. Это же так тривиально. Свадьбу будут играть на борту большого теплохода, пришвартованного навечно на рейде в районе Речного вокзала. Отходил свое, бедолага, по беспокойным речным просторам. Нынче предприимчивые господа превратили судно в ресторан-гостиницу.

Свадьба была в самом разгаре. Наверное, она была не хуже и не лучше, чем другие. Но уже через пару часов Елизавета дала самой себе самое твердое в мире слово, что, если ей посчастливится встретить свою половинку и выйти замуж, на такой пошлый карнавал она не согласится ни за какие сокровища. Раздражало все – высокопарные, практически одинаковые пожелания, глупые конкурсы, нервировал и выводил из себя навязчивый, неиссякаемый энтузиазм крикливого и беспардонного тамады. Особо талантливые гости быстро накачались горячительным, им было совершенно наплевать на молодых, которые добросовестно маялись и нервно потели на своих местах. У Кирилла вид был жалкий, потерянный. Счастливым он точно не выглядел, а на мужа был похож еще меньше. О какой солидности можно говорить в двадцать два года? Одни уши торчат – и больше ничего. У Елизаветы было такое ощущение, что, если бы новоиспеченная женушка не вцепилась в руку Кирилла мертвой хваткой, наверняка он дернул бы отсюда куда подальше. Невооруженным взглядом видно, вся эта свадьба, на которую потрачено невероятное количество сил и денег, молодоженам не доставляет ни радости, ни удовольствия.

На Антонину Сергеевну смотреть без боли было невозможно. Женщина находилась в полном шоке, видно, что держится из последних сил. Родственники со стороны невесты ока-

зались очень живописными и колоритными личностями, Впрочем, ничего другого никто и не ожидал. Лизе очень хотелось, чтобы все закончилось поскорее, она страшно устала и, как ни старалась, не могла разделять всеобщего веселья. Когда тамада объявил следующий конкурс, кажется восьмой по счету, она не выдержала. Странные фантазии рождаются порой у людей. Надо же придумать такую белиберду! По кругу пускаются ползунки для грудничков, одни голубенькие, другие розовенькие. Правила просты. Гости должны наполнять ползунки деньгами. Если в голубых сумма окажется больше, у новобрачных первым родится мальчик, если победят розовые, первенцем непременно будет девочка.

Елизавета поняла, что самым разумным сейчас будет выйти на верхнюю палубу из помещения, где невозможно дышать из-за духоты и глупости. Не привлекая особого внимания, она незаметно выскользнула из-за стола и отправилась осуществлять свой нехитрый план.

Дождик давно закончился, было прохладно, от воды тянуло свежестью. Палуба пустовала. Поскольку теплоход давно забыл о своей романтической юности и дослуживал век в качестве увеселительного заведения, наверху был организован небольшой летний ресторанчик. Очень рационально, не пропадать же месту за просто так! В теплую погоду здесь было довольно уютно и романтично. За столиками сидело несколько человек, у барной стойки посетители не маячили, зато на фоне бутылочного разнообразия очень живописно вырисовывалась одинокая фигура бармена. Обстановка вполне цивилизованная, опасаться нечего. Елизавета миновала ресторанный зону, мельком отметив про себя, что здесь гораздо уютнее, чем в банкетном зале, прошла дальше и оказалась на самом носу теплохода.

Всей грудью вдохнула порцию свежего воздуха. Перед ней открывалась великолепная панорама: в темной воде реки отражались многочисленные огни, течение превращало их в волшебный калейдоскоп. Город тоже старался изо всех сил – мерцал миллионами разноцветных огней. Но красота мало трогала Елизавету, на душе было пасмурно и неуютно. Жалко было всех: Антонину Сергеевну, дурака Кирилла, а больше всех себя, любимую. Не то чтобы она любит Кирилла, вовсе нет, вряд ли их отношения можно назвать любовью, но их столько связывает, что она с трудом представляет себе дальнейшую жизнь без него. Обрушившаяся на ее голову свадьба лишила ее самого лучшего друга и близкого по духу человека. Именно в этот момент Елизавета поняла, что осталась в одиночестве.

Процесс начался давно, их дружная компания стала распадаться полтора года назад, когда Пашка без всяких видимых причин бросил институт и отправился служить Родине. Но все равно они были вместе и Пашку поддерживали изо всех сил, ездили к нему в часть на призыв, звонили, писали. Следом за Пашкой их покинул Володька. Уехал вместе с родителями в Германию на постоянное место жительства. Тяжело было расставаться, но такой горечи она точно не испытывала. Теперь Кирилл отмотал номер по полной программе. Остается верных товарищей – всего ничего. Да и те разлетаются в разные стороны со страшной скоростью. Кто в учебу с головой окунулся, кто в любовь заигрался. Остаются однокурсники, но это другая история. Получается довольно плачевная картина. В свои двадцать с небольшим хвостиком не с кем даже в кино сбегать.

– Добрый вечер, – раздался рядом довольно приятный мужской голос.

Елизавета вздрогнула от неожиданности и оглянулась. Дядька лет сорока, на вид вполне приличный, не пьяный, одет хорошо, незнакомый. Она готова голову отдать на отсечение, что видит его первый раз в жизни. Меньше всего Елизавете хотелось общаться с незнакомыми людьми. Что за манеры у этих самоуверенных мужиков. Странная у них логика, честное слово. Получается, если девушка одна, да еще в ресторане, не разобравшись в ситуации, они прутся флиртовать направо и налево. Елизавета напряглась и приготовилась дать хороший отпор наглецу.

– Мы, кажется, знакомы. – Судя по всему, незнакомец не собирался униматься.

– Не думаю, – сухо обронила Елизавета, давая понять великовозрастному нахалу, что не намерена участвовать в игре. Очень оригинальный способ знакомиться, ничего не скажешь.

Взрослый дяденька, мог придумать что-то пооригинальнее, ан нет, не хватает фантазии, пользуется штампами, старыми как мир. До чрезвычайности свежо и, главное, ненавязчиво.

– А что вы тут делаете? – не обращая внимания на ее явное нежелание продолжать разговор, поинтересовался мужчина. Нахамить прилипчивому мужику хотелось страшно, но запала не хватило. День и так выдался не из легких, сил на войну с посторонними не осталось.

– У меня здесь свадьба, – невинным тоном произнесла Елизавета.

Как она и предполагала, удар получился отличный, в самое яблочко. Самоуверенный тип растерялся. Вид у него был настолько удивленный и расстроенный, что Елизавета еле сдержала себя, чтобы не расхохотаться. Настроение у девушки заметно улучшилось.

– Поздравляю, – промямлил мужчина без энтузиазма. Было ясно, что он озадачен. Радости и апломба поубавилось.

– Спасибо, конечно, но поздравлять меня не с чем. Свадьба не у меня, друг женится, – смиростивилась Елизавета.

– Тогда примите мои соболезнования, – заметно обрадовался собеседник. – Веселая вы девушка, с вами не соскучишься.

– Вы все неправильно поняли. Друг вовсе не сердечный, а по жизни. – Елизавета и сама не поняла, зачем она стала оправдываться и объяснять что-то чужому человеку.

– Вот теперь вы окончательно меня запутали. Хотя это и не важно. Разрешите представиться, Никита Александрович Балашов к вашим услугам.

Какой знаток этикета. Голову склонил, только каблуками не щелкнул и ручку не поцеловал. Смешной дядька.

– Очень приятно, Елизавета, – ответила девушка. Раздражение улетучилось, ей было немножечко лестно, что такой вальяжный и взрослый мужчина старается изо всех сил произвести на нее впечатление.

– Красиво, – с мечтательной ноткой в голосе произнес Балашов после небольшой паузы.

– Что? – Елизавета насторожилась. Собственное имя ей не нравилось, натерпелась еще в розовом детстве. Классическое «Лиза-подлиза» преследовало ее по пятам с детского сада. А уж когда лет десяти от роду она приехала к бабушке в деревню, а у соседей на вольготных деревенских лугах паслась коза по прозвищу Лизка... Страшно вспомнить, сколько было пролито слез.

– Все красиво: вечер, река, звезды, панорама, – мечтательно произнес Балашов.

– Вы поэт? – поинтересовалась Елизавета.

– Нет, к сожалению. У меня профессия самая прозаическая. Я строитель. А вы, если не секрет, чем занимаетесь?

– А я пока учусь.

– А хотите, я угадаю вашу будущую специальность? – Балашов, не дожидаясь ответа, торжественно заявил: – Вы будете юристом.

– Не угадали, господин Балашов. Есть еще варианты?

– Конечно, значит, экономистом.

– С чего вы взяли?

– А сейчас вокруг сплошные юристы, экономисты и психологи. Так что угадать не трудно.

– А я, уважаемый Никита Александрович, буду врачом. Так что подвела вас ваша интуиция.

– Удивительно.

– Это почему же? – насторожилась Елизавета. – Доверия не вызываю?

– Что вы, Лиза, совсем наоборот. Но вы такая хрупкая и нежная, довольно трудно представить вас в больнице или на месте участкового врача, ведь это тяжелый и зачастую неблагодарный труд, страшные нагрузки, вечная занятость. Хотя... должен отметить, белый халатик вам будет очень к лицу.

– Вы извините, пожалуйста, но ваше мнение на этот счет меня совершенно не интересует, – отрезала Елизавета. Нашелся знаток кордебалета. Видит человека в первый раз в жизни, ничего о нем не знает, но выводы делает. Хорош гусь.

– Вы обиделись? Простите меня, пожалуйста. – Балашов почувствовал резкую смену в настроении девушки и понял, что сморозил что-то не то.

– А вы знаете, господин строитель, мне все равно. Можете ерничать, блистать своим сомнительным остроумием сколько вашей душеньке угодно. С какой стати я должна на вас обижаться? Каждый развлекается по-своему.

– Обиделись все-таки, а зря, – огорчился Никита Александрович, но сдаваться не хотелось, поэтому он решил не отступать. – Лиза, признайтесь, вам часто говорят, что вы настоящая красавица?

Хорошенький переход. Не получилось блеснуть умом и сообразительностью – решил сделать комплимент. Вышло довольно грубо, неумело, как-то пошленько. Непростительно для мужчины такого возраста быть неуклюжим неумехой. Неожиданный вопрос загнал Елизавету в тупик. Подышала свежим воздухом, называется. Выхода нет, придется возвращаться в душную свадебную кутерьму. И откуда только взялся этот настойчивый мужик?

– Простите, мне пора, – твердо произнесла девушка. Довольно слушать бред, она ни в чем ни перед кем не виновата. Оно ей нужно? Мало того, что день выдался не самым лучшим в жизни, так еще стой и выслушивай чужие бредни.

– Не уходите, пожалуйста, прошу вас. – Мужик всполошился не на шутку, даже руки сложил умоляюще. Кажется, шутка, вернее, вечерняя прогулка затянулась. Что она вообще делает, какого рожна выслушивает бред незнакомого человека? – Вы мне не верите, Лиза, но мы с вами действительно знакомы. Мы встречались совсем недавно. В таком большом городе за короткое время судьба сводит нас во второй раз. Вы понимаете, что это происходит не просто так?

Елизавета струсила. У мужика точно не все в порядке с головой, или ненормальный, или, что еще хуже, маньяк. Угроздило ее привлечь к себе внимание чокнутого! Надо что-то делать. Первое правило – не грубить, не раздражать, постараться поскорее смыться. Как назло, вокруг никого. Это ей видны столики и люди, которые за ними сидят. А они с маньяком стоят в таком месте, которое практически не освещается. Кричать глупо и бесполезно, играет музыка, никто не услышит, зато мужик может разозлиться, тогда непонятно, чем лично для нее обернется эта странная ситуация.

– Мне правда пора идти, меня ждут в ресторане, неудобно. Вы меня извините, до свидания, всего вам хорошего.

– Лиза, милая, я ничего не выдумываю. Выслушайте меня, наконец, это займет ровно две минуты. Никуда ваша свадьба не денется.

– Да, да, конечно, – ответила Елизавета, тревожно поглядывая по сторонам.

– Да не сумасшедший я, у вас такие глаза, словно через секунду я вас за борт выброшу. Не надо меня бояться, я очень порядочный и вполне благонадежный гражданин. Просто случай интересный. Вспомните, недели две назад, в метро, вы не удержались на ногах и на секунду оказались в моих объятиях. Вспомнили?

Елизавета перевела дух и через секунду расхохоталась.

Ситуация и впрямь оказалась комичной до невероятности. Она насочиняла целый мешок страхов, а все было довольно прозаично. Действительно, перед ней стоял тот самый мужчина, на грудь которого она рухнула после сильного толчка в вагоне метро. Надо же, теперь она точно знает, это он. Получается, что он ее хорошо запомнил. И с чего она решила, что Никита Александрович маньяк или прожженный стареющий ловелас? Очень даже приличный человек и смеется заразительно.

От души нахохотавшись, вспомнив подробности небольшого происшествия двухнедельной давности, они, наконец, перевели дух.

– По-моему, мы с вами не имеем права расстаться просто так. Может быть, поужинаем? Например, в этом ресторанчике на палубе, здесь кухня отличная и обстановка прекрасная, очень уютно, нет лишней суеты. Я частенько сюда заглядываю, – предложил Балашов.

– Боюсь, это невозможно. Я живу очень далеко от Речного вокзала, нет никакого желания ехать на край света, чтобы просто поужинать. Вы не обижайтесь, история действительно очень милая и забавная. Пусть она такой и останется.

– Что ж, очень приятно было встретиться и познакомиться. Визитку возьмите на всякий случай. Жизнь – штука непредсказуемая. Вдруг я вам пригожусь или вы передумаете? Всякое случается. Я для вас доступен в любое время, договорились? А может быть, хотя бы по бокалу шампанского выпьем?

– Спасибо. – Елизавета взяла визитку, улыбнулась и помахала рукой Балашову. – Прощайте, Никита Александрович, удачи!

– До свидания, милая девушка Лиза.

Балашов не сразу вернулся на свое место, задумчиво смотрел вслед удаляющейся фигурке. Зашел, называется, поужинать в любимое местечко. Чем же так трогает его эта девочка? Почему, едва завидев ее сегодня, он, не раздумывая, сорвался с места, догнал и минут двадцать вел себя как растерявшийся мальчишка? Смешно, но он с трудом находил слова, не мог поддержать разговор, волновался! А это никуда не годится. Наверное, эта девочка гораздо мудрее него. Сумничал, старый таракан, поужинать пригласил. Можно представить, какого мнения о нем и его умственных способностях Елизавета! Хорошая девочка, воспитанная, спасибо, в лицо ему не рассмеялась, когда он, не очень хорошо соображая и не контролируя себя, нес полный бред про судьбу и прочие глупости. Настроение у Балашова испортилось. Повода расстраиваться не было, подумаешь, случайная встреча с девчонкой, ну и что из того, что судьба свела их в тесном вагоне метро, а теперь здесь? Подумаешь, событие. Ни вспомнить, ни рассказать нечего. Наверное, просто немножечко обидно, что ему, Никите Балашову, уже давно не двадцать лет и даже не тридцать. Говорят, это со многими происходит в его возрасте. Ищи причину в себе, рыжеволосая девочка ни в чем не виновата.

Глава 3

На следующий день после свадьбы молодожены отправились наслаждаться в солнечный Египет. Можно даже не говорить, что путевки были куплены на деньги Антонины Сергеевны. Кирилл не посчитал нужным махнуть ручкой на прощание. Не нашел минутки, чтобы забежать или позвонить подруге. Что ж, пора привыкать к такому раскладу. Эта свадьба многое изменила, но все равно, как бы Елизавета себя ни успокаивала, было обидно до слез, и ничего поделать с этим она не могла. Лиза уже который день не находила себе места и маялась от тоски, которая с каждым днем подминала ее под себя все глубже и затягивала в беспросветный омут. Не было сил читать, телевизор надоел до оскомины, общаться со знакомыми даже по телефону не хотелось. Не хотелось ничего. Елизавета слонялась по квартире, как привидение. Дома сидеть было не вмоготу, и на улицу выходить не хотелось. Родители пытались растормошить дочь, вернуть ее к нормальной жизни, но все их попытки оказались напрасными. В душу не лезли, за что им отдельное спасибо. Елизавета, может быть, и хотела поговорить с мамой, но ей нечего было сказать, тем более рассказать. Ей бы разобраться со своими чувствами самостоятельно.

Она не могла объяснить себе самой, отчего хандра не уходит из души. На самом деле не произошло ничего трагического или сверхъестественного. Люди каждый день женятся, разводятся, умирают. Женитьба друга, пусть и неожиданная, не самое плохое, что может произойти с человеком. Стоит ли так убиваться? Да, друг, никто не спорит, да, судьбы их переплетены, но ведь такое положение вещей не могло продолжаться вечно. Рано или поздно каждому пришлось бы строить собственную жизнь – это неизбежно. Просто Кирилл опередил ее, может быть, именно это обстоятельство задевает ее больше всего? Елизавете не хотелось соглашаться с этой мыслью, но в глубине души она понимала, что дело именно в этом.

Мама вторую неделю уговаривала ее съездить отдохнуть на море, тем более что достать путевку даже в самую горячую курортную пору в хороший санаторий или дом отдыха – не проблема. Сессия сдана досрочно, впереди целое лето. А она, как та царевна Несмеяна, кочевржится: «Не хочу, не буду». Совсем с ума сошла.

Не многовато ли надуманных страданий? Оттого что Кирилл женился, он не стал ни хуже ни лучше, он остался прежним. Не нравится Регина? Да и пожалуйста, вокруг полно людей, которые не вызывают особой симпатии, что с того? Это еще не повод биться в истерику. Это же не она женилась на девушке, приехавшей устраивать свою личную жизнь в столицу. Им с Региной совсем не обязательно любить друг друга. Они же цивилизованные люди, им вполне достаточно общаться на приятельском уровне, поддерживать ровные, доброжелательные отношения, тем более что нет ничего, что могло бы этому помешать. У нее имеется одно значительное преимущество, которое Регине не купить ни за какие деньги. Она знает Кирилла с раннего детства, они вместе росли и учились, гоняли в казаки-разбойники, курили втихаря в подъезде, бегали на каток и в кино. Они знакомы тысячу лет. У Регины нет и не может быть такого багажа воспоминаний. Регина получила Кирилла уже готовеньким, взрослым. Он никогда не дрался за нее с хулиганами, а она не списывала у него физику и математику.

Елизавета понимала, надо взять себя в руки и найти любой способ, чтобы выползти из удушающей, парализующей депрессии, но каким образом избавиться от тоски – не понимала. Одна надежда: лето пролетит быстро и наступит осень. Начнется учеба, некогда будет жалеть себя, любимую. Но до спасительного сентября – целых два месяца, и нужно каким-то образом пережить это не самое лучшее время.

Вернулись из свадебного путешествия молодожены, привезли сувениры, даже выкроили минутку для коротенького визита вежливости. От недолгого общения с жизнерадостными, загоревшими дочерна счастливыми Елизавета ничего не испытала, кроме укола легкой

зависти, что было ей несвойственно в принципе. Укол оказался на удивление эффективным и произвел поразительное действие.

На следующее утро Елизавета открыла глаза и вдруг поняла, что она настоящая, беспробудная дуреха. Выдумала себе горе-злосчастье на ровном месте, упивается им без памяти и превращает свою прекрасную, замечательную, такую молодую жизнь в ад. За окошком бушует лето, нормальные люди получают удовольствие от прекрасной погоды, наслаждаются отпускной порой, никому в этом мире нет дела до ее переживаний. Чем она хуже и за что себя изводит и наказывает? Все, решено, она едет в отпуск. Неплохая мысль: покидать вещи в дорожную сумку и махнуть в какую-нибудь Турляндию по горячей путевке, но нет подходящих спутников. Всех, с кем можно поехать за границу, сдуло летним ветром из столицы. А одной ехать на чужеземные моря некомфортно и страшновато. Там традиции другие, горячих парней не счесть. Такой экстремальный отдых точно не для нее. Придется ехать на курорты Краснодарского края. Санаторий на берегу родного Черного моря, конечно, не предел мечтаний, но все-таки лучше, чем ничего. Скуотища там наверняка невероятная и тоска зеленая. Не в том она возрасте, чтобы отдыхать в санатории. Рановато бегать по врачам и шаркать подошвами вместе с пожилыми дамами на местной дискотеке. Но ведь никто и не заставляет, к тому же все мелкие неприятности компенсирует море. Она обожает плавать и загорать. Совсем необязательно участвовать в сомнительных развлечениях людей среднего и старшего возраста, зато можно вволю насладиться солнышком. Загорает она быстро, несмотря на белую кожу, никогда не выглядит свежесваренным раком. Кожа темнеет, через три дня она становится похожа на мулатку.

Как только Елизавета села в поезд, она мгновенно забыла про свои недавние печали и страдания. Словно недавнее прошлое осталось на медленно, как в кино, уплывающем перроне Казанского вокзала. Немножко волнуяще, конечно, отправляться одной в дальнее путешествие, но главное, надо решиться и сделать шаг. Путешествие, едва начавшись, вернуло ее к жизни. Словно в далеком детстве, она прилипла к оконному стеклу, за окнами мелькала чужая, незнакомая жизнь, сменяли друг друга небольшие поселки и совсем крохотные разъезды. За окном текла другая жизнь, странная, непонятная, но все-таки жизнь. Поезд, словно машина времени, показывает ей картинки не со столичной начинкой. Какое счастье, что она родилась в Москве, а не на маленькой, потерявшейся на карте станции, где ничего нет, кроме неказистого домика, веревок с бултыхающимся бельем и стаи ленивых разномастных собак, дремлющих в придорожной пыли.

Соседи по купе попались вполне адекватные. Супружеская пара, обоим лет под сорок, очень приятные, приветливые и ненавязчивые люди. Если честно, Елизавета немного опасалась перед поездкой, что дорожные сюрпризы испортят настроение. Но нет, повезло. Никто не докучал ненужными разговорами, не приставал со всякими глупостями. Верхняя полка ее тоже вполне устраивала. Поезд, монотонно и успокаивающе постукивая колесами на стыках, уверенно катил к югу. Отпускное настроение чувствовалось. Люди ехали в основном отдыхать к морю, греться на солнышке. У них даже лица другие – улыбающиеся, не напряженные. В вагоне много молодежи, некоторые перезнакомились и сбились в шумные стайки, но лично у нее нет никакого желания заводить дорожные знакомства и принимать участие в вагонных тусовках. Ей так покойно и хорошо, что не хочется нарушать наступившее в душе равновесие. Железнодорожный сервис устраивает, по крайней мере, нет раздражающих моментов. Кондиционер работает, проводница, женщина средних лет без всякого намека на хамство, чай разносит, на вопросы отвечает с приветливой улыбкой. Какая же она была глупая, когда сидела столько времени в добровольном заточении!

Постепенно день сошел на нет, пришла пора ложиться спать. Елизавета, пожелав попутчикам спокойной ночи, заняла свое место, блаженно потянулась и представила, что завтра в обед она увидит море.

Утром сомнения и страхи окончательно рассеялись. Елизавету разбудило яркое солнце за окном. Проводница предлагала чай, до окончания поездки осталось всего три часа. Небольшая тревога присутствовала, но незнакомый, завораживающий пейзаж за окном обещал, что все будет здорово.

Все получилось просто замечательно. До санатория Елизавета добралась без происшествий. Поселили ее в двухместный номер, но вторая койка пока пустовала. Консьержка объяснила Елизавете, что ее соседке крупно не повезло. Не успела приехать на юг, как сильно заболела. С приступом почечной колики ее отвезли в больницу. Елизавета выслушала душещипательную историю, но особенно не огорчилась. Жалко, конечно, человека, но что делать.

Просыпалась рано, быстренько одевалась и вприпрыжку мчалась на пляж. Удивительное дело, но ранние пробуждения не похожи на домашние. В Москве она каждое утро, с трудом продирая глаза, долго и мучительно выползала из сна, несмотря на настойчивый звон будильника, и почти всегда чувствовала себя невыспавшейся и разбитой. А здесь вроде бы не было нужды вставать чуть свет, спи себе, отсыпайся. Ничего подобного. В шесть утра, как по команде, она распахивала глаза. Тело не ныло, не томилось после ночи, настроение было отличным, не хотелось пропустить ни минутки, ни секундочки южного благолепия. Душа желала впитать в себя небо, море, растительность, буйную и необыкновенную, горы на горизонте, облака, запомнить каждое утро. Она выбегала на балкон, и сердце обмирало от счастья. На пляже почти никого не было. Парочка энтузиастов преклонного возраста, совершающая утренний заплыв, да редкие рыбаки. На завтрак она не ходила. Не хотелось терять волшебные утренние ощущения из-за тарелки каши.

После девяти утра пляж заполнялся, а ровно в десять начиналось ежеутреннее шоу, на которое можно было смотреть бесконечно. Елизавета любовалась зрелищем пятый день, и оно по-прежнему доставляло массу удовольствия и веселило необыкновенно. На пляже появлялся он, воплощение грез и мечтаний юных красавиц. Молодой человек, которого природа и впрямь наградила выдающейся внешностью, но, как подозревала Елизавета, обделила в более важных вещах. Хотя она допускала, что имеет право на ошибку. Может быть, он не настолько глуп от природы, просто паренька испортили яркая и легкая курортная жизнь, обвальное женское внимание. Юноша работал в санатории, она встречала его несколько раз в корпусе. Появлялся мускулистый и загорелый красавец на пляже четко в одно и то же время, неторопливо проходил к самой кромке пляжа, взгляд его по-хозяйски небрежно и снисходительно, но оценивающе скользил по обнаженным телам заезжих красавиц. Он не только купался во всеобщем дамском обожании, парень явно не терял времени напрасно, ведь курортный сезон не вечен. Демонстрируя достоинства внешности, он мимоходом проводил кастинг. Тяжелая работа, санаторный срок всего три недели. Попробуй сделать правильный выбор, постарайся не попасть впросак, не промахнуться. Надо было видеть, как юный аполлон-нарцисс нес себя в народ. Не заметить эту красоту было невозможно. За сто шагов видно – человек обожает себя, любимого. Индюшечья напыщенность в сочетании с прекрасной внешностью производила неизгладимое впечатление. Потом он начинал медленно раздеваться. Казалось, ему нет никакого дела до окружающих. Но не надо было быть дипломированным психологом, чтобы увидеть: движения продуманы до мелочей и относятся к разряду показательных выступлений. Затем он неторопливо входил в воду, нырял, плыл к волнорезу, взбирался по стойкам на самый верх и замирал на несколько минут. После подготовки следовал завершающий, самый красивый аккорд представления. Он вытягивался в стойке и нырял. Надо отдать должное, это было действительно здорово. Но почему-то хотелось не аплодировать, а засунуть четыре пальца в рот и свистнуть громко, по-хулигански. Все, что происходило потом, было не очень интересно. Герой многочисленных курортных романов возвращался на пляж и продолжал купаться в лучах собственной славы, охмуря очередную наивную пассию.

Ближе к полудню Елизавета покидала пляж, выпивала чашку кофе с мороженым в уютном летнем кафе и возвращалась в санаторий. Наступала жара, и не было особого желания плавать на солнце или болтаться по улицам. Второй раз на пляж она шла после четырех и до самого захода солнца проводила время у моря.

Было немного одиноко по вечерам, но после того, как она рискнула посетить между ужином и сном местное кафе, желание активного времяпрепровождения после заката солнца отпало само собой. Слишком уж велика и необузданна была жажда горячих местных парней, стремящихся немедленно утешить одинокую девушку. Не Европа, чай, где никто не будет преследовать тебя с маниакальной напористостью и южной страстью, если ты вышла без сопровождения. Елизавета решила: рисковать не стоит, дешевле уважать местные традиции, и вечера проводила на балконе в обнимку с книжкой.

Соседи за столиком в столовой оказались довольно милыми людьми. Пенсионеры с внуком лет семи отдыхали в санатории не первый год и пытались взять над Елизаветой шефство. С неподдельным энтузиазмом рассказывали о местных достопримечательностях, не уставали ездить на экскурсии и агитировали девушку сменить пассивный отдых на активный. На шестые сутки Елизавета сдалась. Почему бы и не провести один день отпуска по-другому? Это даже интересно. По совету старичков она купила билет на автобусную экскурсию к необыкновенным водопадам. Реклама выглядела многообещающе, фотографии потрясали красотой, а путевка стоила недорого.

Отъезд был назначен на семь часов утра. Елизавету удивило, какое большое количество желающих отправиться за новыми впечатлениями собралось у экскурсионного автобуса. Отъехали на сорок минут позже объявленного времени, ждали опоздавших, но это дело привычное. Народ у нас не пунктуален, а уж на отдыхе какой может быть спрос с проспавших или подзадержавшихся. Компания в автобусе подобралась разномастная – и молодежь, и люди старшего возраста, много детворы. Скучать не придется, если и захочешь, окружающие не дадут. На секунду Елизавета пожалела, что поддалась на чужие уговоры, но как только автобус тронулся и молоденькая девушка-экскурсовод начала рассказ, отбросила сомнения. История ей нравилась. Вокруг обосновалась веселая компания из пяти человек примерно ее возраста. Впереди и сзади сели две парочки, а пятый член коллектива устроился рядом с ней. Разговорились и познакомились очень быстро, на юге все происходит стремительнее и проще. Ребята оказались москвичами, Елизавета даже пожалела, что знакомство будет не очень продолжительным. Новые знакомые через три дня собирались уезжать. Но это потом, а сейчас она хохотала до слез над шутками, с удовольствием слушала веселые байки. Затворничество – вещь неплохая, если ненадолго и вовремя. А ей давно пора вернуться к нормальной активной жизни.

Если честно, Елизавета не ездила на экскурсии не потому, что ей было неинтересно. Она побаивалась узких серпантинных дорог, а более всего ее смущала бесшабашность и разудалость местных водителей. Неоправданный риск ее никогда не привлекал, точнее, пугал. Но сейчас она забыла об опасениях, было легко, весело, рядом сидит приятный молодой человек по имени Сергей, который проявляет к ней внимание, и ей это нравилось. Впереди у них был целый день, обещающий быть не похожим на остальные и остаться в памяти. Нечего трусить понапрасну, надо жить и радоваться. Вечно она преувеличивает, ищет опасность там, где ее нет, цепляется за глупые непозитивные мысли, а потом благополучно в них застревает и барахтается в паутине сомнений, как беспомощная муха. Никто в автобусе не дрожит от страха, одной ей в голову лезут глупости.

День получился замечательный. Их привезли в Долину сказок. Несмотря на то что место было экскурсионным, создавалось впечатление, что они попали сюда случайно. Долина потрясала ощущением первозданности. Огромное поле расположилось между двумя горными массивами, оно было вне времени и пространства. Каскад горных водопадов вызывал восхищение. Дух захватывало. Елизавета рискнула постоять под самым небольшим паром секунд. Такая

тут существовала примета: хочешь остаться молодой и красивой, загадай заветное желание – и вперед. Сумеешь побороть страх – желание непременно исполнится. Дыхание перехватило от потока холодной сверкающей воды, который обрушился на ее голову и обжег горным холодом с такой силой, что, выбравшись на сушу, она почувствовала себя новорожденной и очень счастливой. Наверное, его не зря называли водопадом исполнения всех желаний и любви. В одиночку она вряд ли решилась бы на такой шаг, но новые знакомые и слушать не захотели тихих оправданий, пришлось подчиниться. Спасибо, Сергей все время держал ее за руку.

Потом был обед в горном селении, где местные жители с кавказским радушием и южным гостеприимством устроили настоящий праздник. Запеченная форель оказалась восхитительной, от необыкновенно вкусных шашлыков не было сил отказаться. Блистательный тамада с приятным акцентом произносил мудрые тосты с подтекстом и покорила всех своим красноречием, вино лилось рекой, а Сергей не отходил от нее ни на шаг. Конечно, все, что происходило сейчас, было чистой воды бизнесом, Елизавета это прекрасно понимала. Для жителей небольшого аула, затерявшегося высоко в горах, прием туристов – каждодневная работа, но для нее лично поездка превратилась в яркий, незабываемый праздник. Ей нравилось великолепие окружающих гор, в шикарной декорации, созданной природой, пикник по-восточному был не просто уместен, а органичен. Необыкновенный день пролетел быстро. Наступило время возвращаться. Елизавета устала ужасно, но ей было немного жаль покидать райский уголок. Довольные и счастливые путешественники заняли свои места, и автобус отправился в обратный путь. После активного отдыха народ в основном дремал. Кажется, только они с Сергеем бодрствовали. Елизавета была несколько удивлена, когда Сергей ей рассказал, что веселая и приятная компания до поездки к морю друг о друге ничего не знала. Познакомились ребята здесь, подружились, влюбились. А с первого взгляда казалось, что они знакомы целую вечность.

– Лиз, а ты в каком районе живешь? – Вопрос Сергея приободрил. Сердечко приятно екнуло. Значит, ей не показалось, она действительно ему понравилась, иначе зачем задавать вопрос, который намекает на дальнейшую перспективу развития отношений?

– В хорошем, – улыбнулась Елизавета.

– Даже не сомневаюсь, – мрачно констатировал Сергей, не разделяя ее радости. – Мы не соседи, случайно? У меня такое впечатление, что я тебя раньше видел.

Елизавета чуть не расхохоталась. Что-то в последнее время частенько приходится выслушивать заезженную версию. Ох уж эти мужчины, ничего новенького придумать не могут, никакой фантазии. Что старый, что малый, все дудят в одну дуду.

– На Ленинском я живу, подходит райончик?

– Очень даже подходит, мы почти соседи, я угадал, как чувствовал. А я на Каховке, представляешь? – Сергей обрадовался, словно ему сообщили важную новость.

– Здорово, – поддержала соседа Елизавета.

– А я и говорю, наверняка где-нибудь пересекались, сто процентов. Ты когда домой уезжаешь?

– Через две недели.

– А хочешь, я тебя встречу в Москве? – неожиданно предложил Сергей.

– Ваша фамилия не Торопыгин, юноша? Мы знакомы всего ничего, а точнее, один день. За две недели ты забудешь, как я выгляжу. К тому же наверняка тебя дома ждет девушка, – задала Елизавета провокационный вопрос. Зачем – и сама толком не поняла.

– Ты зря так. Ведь в жизни всякие истории бывают, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Мне, например, не хочется, чтобы наше знакомство, пусть случайное, закончилось, едва начавшись. Я бы с удовольствием встретился с тобой в Москве.

– Сережка, да ты романтик! На тебя так жара действует. Курортные знакомства и романы на то и называются курортными, что заканчиваются на перроне или в аэропорту. То, что

классно и замечательно под южным солнцем, теряет краски по возвращении домой. Это аксиома.

– Зря ты так. Тебе не идет быть циником.

– Да никакой я не циник, я реалист. И не надо обижаться и портить настроение себе и окружающим. Давай не будем торопить события.

– И нисколько я не обижаюсь. Еще скажи, что не веришь в любовь.

– Почему? Очень даже верю.

– Тогда сдавайся без боя.

– Русские не сдаются, балда.

– Ах так, ну погоди. Не дашь телефон – тебя ждет расстрел.

– Не надо, Сережа, я такая молодая, я жить хочу долго и счастливо. А телефон записывай, нет проблем.

– Лизка, ты супер. Давай лапу. И не надейся, я тебя не отпущу.

– А ты сумасшедший.

– Есть немного. Но ты же доктор, вот и будешь меня лечить, я, может быть, всю жизнь мечтал о личном враче.

– У меня специализация другая.

– Ничего, переквалифицируешься. Смотри, смотри, какая красота. – Сергей протянул руку к окну.

Елизавета повернулась и почувствовала поцелуй на щеке.

– Отличный прием, давно используешь?

В эту же секунду раздался глухой, но довольно сильный хлопок, и началось невообразимое. Автобус стал неуправляемым, его замотало с такой силой, что Елизавета впечаталась лбом в спинку соседнего кресла. Она еще толком не успела сообразить, что произошло, но ужас парализовал ее насквозь. За окном было почти темно, трудно было сообразить, что случилось на самом деле. Истошный крик водителя: «Покрышка!» – развеял надежды, что вот-вот, через секундочку, все наладится, автобус, добродушно урча, продолжит путь, их перестанет трясти и бросать в разные стороны, страхи исчезнут и растворятся навсегда. Ведь не может быть, чтобы сейчас, сегодня обыкновенная покрышка разрушила, а может быть, и уничтожила жизни людей, которые еще несколько минут назад не подозревали, что чудесный день будет иметь такое страшное завершение. Произошло самое страшное, что могло случиться, – авария. Лопнула покрышка, даже при небольшой скорости это очень опасно. А если учесть, что скорость у них была вполне приличная и ехали они не по гладкому шоссе, а по серпантинной дороге, чем все кончится, было известно только Богу. Автобус вновь занесло вправо, он неуклюже вильнул и боком протаранил скалу. Раздался скрежет, от которого кровь стыла в жилах. Перепуганные люди судорожно пытались вцепиться руками в любую опору. В салоне поднялся невообразимый шум. Кто-то визжал, громко и надсадно плакали дети, мужской голос истошно, с надрывом кричал, видимо, водителю: «Тормози!» В автобусе, который хаотично шарашило из стороны в сторону по узкой дороге, началась паника.

В голове у Елизаветы промелькнула мысль: «Если сейчас попадет встречная машина, нам всем конец». Сильнее страха была жалость к себе. Было жутко, но больше обидно, что вот сейчас, через несколько минут, а может быть, даже мгновений она погибнет, и жизнь, ее единственная, неповторимая жизнь, закончится, практически не начавшись. Она не чувствовала, что вцепилась обеими руками в плечо Сергея, а он крепко обнимает ее и почему-то молчит. Он же такой находчивый, остроумный, сильный, уверенный в себе, он мужчина, наконец. Он должен что-то сделать... Почему водитель не тормозит? Сколько может продолжаться эта ужасная мука? У нее не осталось сил бояться. Елизавета не замечала, что тихонечко и тоскливо подвывает. Смертельный ужас заставил ее присоединиться к общему скорбному хору. Практически неуправляемый автобус еще раз шваркнуло о скалу, после удара его выбросило на

свою полосу, и он стал валиться на бок. Самое страшное было в том, что Елизавета это успела понять. Сейчас несокрушимая сила свалит автобус на левый бок, ее место у окна, и именно ей придется принять на себя вес тех, кого сейчас вырвет из кресел и отшвырнет на них с Сергеем. Если даже она не ударится и не поранится, она задохнется – и все. Сергей в последний момент умудрился оторваться от нее, каким-то непостижимым образом уперся обеими ногами в стенку, защищая девушку от смертельного удара, но что он мог сделать? Автобус завалился на бок, в салоне погас свет, и, уже почти ничего не ощущая и не чувствуя, не слыша страшного воя напуганных до смерти людей, оказавшихся на самом краю, Елизавета потеряла сознание.

Глава 4

Балашов возвращался домой из командировки в прекрасном расположении духа. За несколько последних дней и ночей он устал, но это не самое главное. В общем ситуация складывалась превосходная, все шло как нельзя лучше. При сегодняшнем положении вещей он не только твердо уверится в своем будущем, появится сказочная возможность воплотить в жизнь самые смелые задумки и фантазии. Для этого теперь у него было все – уникальные проекты, группа отличных специалистов, безграничные смелые идеи, деньги. Придется много работать, но этим его испугать невозможно. Думал ли он, начинающий прораб из глубинки, лет двадцать назад, что достигнет таких вершин? Тогда и технологий таких не было, только жажда работать до седьмого пота и смелость мечтать. Проекты, которые они показали на форуме в Сочи, оставили многие конкурирующие фирмы далеко позади. Они – признанные лидеры, это факт. Он возвращался в Москву победителем и был счастлив.

Да, нервов и сил затрачено предостаточно, но игра стоит свеч. Теперь, пожалуй, придется чаще бывать в Сочи, чем в Москве. Это не беда. При сегодняшней ситуации такой расклад устраивает, пожалуй, всех. Жена наверняка не станет страдать из-за его отсутствия. Ольга спокойно относится к тому, что он вечно занят. Заместители у него ребята надежные, крепкие профессионалы. Справятся с любыми проблемами.

В общей сложности часов через шесть он будет дома. Отлично, останется несколько часов на сон, потом надо будет посмотреть, что происходит на фирме, а уже после он устроит себе небольшой отдых. Балашов усмехнулся своим мыслям. Надо же, какое непривычное слово «отдых». Не его, это точно. Он взглянул на часы: еще минут двадцать – и он будет в аэропорту. Билеты на самолет в салон бизнес-класса заказаны, лимузин не подведет. Да, он теперь очень большая шишка. Встречали его по-королевски, он даже был удивлен радушию принимающей стороны и уровню сервиса. Что ж, как говорится, пустячок, а приятно. Неожиданно водитель притормозил, потом остановился. Никита Александрович глянул в окно и обомлел.

– Кажется, авария, – вздохнул водитель. – Видите, автобус перевернутый.

Балашов молча кивнул.

– Странно, больше нет никаких машин, на столкновение не похоже, – задумчиво проговорил шофер и привычно повернул ключ в замке зажигания, словно его комментария было вполне достаточно в непонятной и довольно зловещей ситуации. Сказал – и довольно. Отметился – и покатил дальше по своим делам. Балашов страшно разозлился. Ну что за люди, честное слово.

– Стоять! – резко скомандовал Никита Александрович.

Машина остановилась, Балашов выскочил на дорогу и кинулся к автобусу. Из второй машины выскочил Алексей, его заместитель.

– Никита Александрович, – взмолился шофер. – Да куда вы, на самом деле? На самолет опоздаете.

– Да хрен с ним, с самолетом, – ругнулся Балашов.

Шофер недовольно пожал плечами и двинулся вслед за большим начальством.

К автобусу, нелепо сползшему задней частью с дороги, Никита с Алексеем подбежали почти одновременно. Какое счастье, что на этом участке серпантина довольно пологий склон! До ущелья – рукой подать. Несколько мгновений отделяли людей от пропасти. Рядом с неуклюже изогнувшейся машиной копошились пассажиры, слышались крики, ругань, плач детей. Переглянувшись, мужчины стали помогать экскурсантам выбираться из передней двери, которая была открыта наполовину. Работали молча, почти сердито. Ситуация была не до конца ясна. Пока на дорогу выбирались люди, особо не пострадавшие. Ссадины и царапины не в счет. Но любой здравомыслящий человек мог легко представить себе масштабы катастрофы. Неиз-

вестно, какое количество пассажиров было в автобусе во время аварии и сколько – серьезно пострадало.

– Леха, немедленно звони. МЧС, скорая, все как положено, – распорядился Балашов. – Твой водила уже звонит куда только можно. Не суетись. Ты давай в автобус, как все выйдут, а я пойду посмотрю, что с мотором. Только бы не пожар, а то не успеем опомниться, как окажемся на небесах. – Граждане, – крикнул Никита в толпу, – не занимайте проезжую часть, не толпитесь на дороге! Собирайтесь у обочины, посмотрите внимательно, вспомните своих соседей, кто сидел с вами рядом! Вспоминайте, кого не хватает, все ли здесь? Соблюдайте спокойствие. Сейчас вам окажут помощь. Спасатели уже в пути.

Разумная и твердая команда возымела действие. Люди перестали толпиться на дороге, послушно выстроились в неровную шеренгу на обочине.

Слава Создателю, среди пассажиров оказалось достаточное количество адекватных и нетрусливых мужиков, которые с самого начала катастрофы вели себя вполне грамотно. Благодаря их действиям не было особой паники, которой трудно избежать в подобных ситуациях. Кому-то помогали выбраться из автобуса, не стеснялись цыкнуть как следует на особо неуравновешенных. Балашов подскочил к двери искореженного автобуса, не задавая лишних вопросов, стал помогать добровольным спасателям. Дело осложнялось тем, что подножка автобуса задралась довольно высоко, а дверь была открыта наполовину. Людям приходилось сначала протискиваться на волю, а потом прыгать вниз на дорогу, чтобы покинуть салон. К тому же стало быстро темнеть, что очень осложняло ситуацию. Плач над шоссе стоял нешуточный, скорбные звуки пробирали до костей и позитива не прибавляли.

Балашов прекрасно отдавал себе отчет, что печальная история на этом вряд ли закончится. Как ни верти, при настоящем положении вещей главные сюрпризы еще впереди. Трудно надеяться, что все они окажутся со знаком плюс, скорее наоборот. Уже почти все, кто жив и более или менее здоров, покинули автобус, но при аварии такой сложности наверняка есть тяжело пострадавшие, раненые или, что еще страшнее, погибшие. Почему-то гадостные предчувствия имеют свойство сбываться. В проеме показался молодой мужчина с окровавленным лицом и безвольно болтающейся рукой. Наверняка перелом, но это ничего. Парень кулем свалился с высокой подножки и сразу потерял сознание. Его успели подхватить на руки. Хорошо, что их было трое, повезло пацану. После появления искалеченного парня наступила пауза, в проеме двери больше никто не появлялся.

– Несите его к обочине, а я в автобус, – распорядился Балашов.

Мужчины безоговорочно выполнили приказ. Раненого осторожно понесли в сторону, а Никита, не раздумывая ни секунды, взобрался на подножку, что стоило немалых усилий и сноровки. В автобусе было совсем темно, сориентироваться – трудновато. Слабое, еле мерцающее пламя зажигалки не позволяло увидеть всю картину в целом, зато здорово обжигало пальцы. Никита медленно пробирался по автобусу, методично исследовал каждое место, на всякий случай, не очень доверяя темноте, ощупывал свободной рукой каждое сиденье, не забывал заглянуть вниз. Неверное пламя безжалостно жгло пальцы, но он почему-то перестал ощущать боль. Он вообще ничего не ощущал, кроме жуткой, раздражающей злости. Объяснить свое состояние он не пытался, да и не до того было. Злость переполняла его. Глупо злиться на случай, фатум, судьбу, но ничего поделать с этим Балашов не мог.

Так и есть. Даже при неверном свете он увидел то, чего боялся. Мужчина лежал неподвижно и тихо. Тело сползло с сиденья на пол и застыло в пугающей, скрюченной, нелепой для живого человека позе. Ни на что хорошее не надеясь, Балашов приложил руку к шее пострадавшего и облегченно вздохнул. Есть пульс, бьется, миленький, слабо, но бьется! Уже хорошо, значит, жив. Только что делать-то? Промедление может добить беднягу, но и трогать его нельзя. Сейчас главное – не навредить человеку. Балашов с трудом подавил порыв поднять несчастного и вытащить на воздух. А если у него травма позвоночника или шеи? Где эти чертовы

медики – спасатели? Сколько можно ехать! Никита опрометью бросился к двери, высунулся наружу и крикнул в темноту:

– Медики есть? – Не получив ответа, он заорал что было сил: – Врачи есть, я спрашиваю?

Напрасная потеря времени. Не везет так не везет. К нему подскочил Алексей. Выскочил как черт из табакерки, и очень своевременно выскочил. Хоть один реальный человек рядом. Вон какой молодец, фонарь где-то раздобыл.

– Леха, собери из всех машин аптечки и быстро дуй ко мне. Раненый в салоне. Что там со скорой?

– Едут.

– Мужик на полу валяется без сознания. Хорошо, что ты фонарь раздобыл, а то ни черта понять невозможно.

– Шофер погиб, – тихонько произнес Алексей и протянул Балашову фонарь.

– Уверен?

– Уверен.

– Давай бегом, собирай аптечки по машинам.

– Я быстро, – пообещал Алексей и растворился в темноте.

Балашов вернулся в автобус, осветил салон и ужаснулся. Скрюченный парень, которого он обнаружил первым, оказался не единственной жертвой аварии. В задней части автобуса на полу лежали два тела. Подобраться к ним было довольно сложно, крен оказался достаточно велик, а Балашов прекрасно понимал, что вес его тела может сыграть роль детонатора. Если машина стронется с места и продолжит падение, лично ему не поздоровится. Осторожно, делая остановку после каждого шага и прислушиваясь к поведению искореженной машины, он добрался до пострадавших людей. Все время он лелеял надежду, что они ранены, контужены, что угодно, – но живы. Балашов, добравшись до цели, присел на корточки и стал щупать пульс, прикладывая голову то к одной груди, то к другой в надежде услышать, как бьется сердце. Чуда не произошло. Молодая женщина и мальчик лет одиннадцати были мертвы. Какая жуткая, невероятная несправедливость! Приехать на юг, чтобы погибнуть.

В это время раздался громкий стон, видимо, раненый, которого он обнаружил первым, очнулся. Балашов заставил себя подняться. Этим несчастным уже не помочь, надо спасать парня. Сюрпризы не кончаются, еще один, вернее, одна пострадавшая. При падении юноша накрыл своим телом спутницу, ее практически не видно, поэтому он не заметил ее в первый раз. Ее и сейчас не разглядеть... Да где же спасатели, черт бы их побрал. Словно услышав его зов, в автобус один за другим стали подниматься люди в униформе. Балашова без лишних церемоний отодвинули в сторону и попросили не мешать, а еще лучше – покинуть автобус. Покинуть так покинуть, Никита Александрович не стал возражать, тем более в создавшейся ситуации глупо было обижаться или ожидать политкорректных выражений. Он и сам оказался зол как сто тысяч чертей.

Несмотря на южную нерасторопность и российскую расхлябанность, службы спасения работали слаженно. Народу приехало много, транспорта понагнали, работали грамотно и профессионально. Сейчас все закончится, можно будет ехать в аэропорт. Балашов сам не понимал, почему он тянет время. Их присутствие здесь было уже не нужно. Машинально он фиксировал все, что происходило вокруг. Перепуганных пассажиров, попавших в передрагу, сажали в микроавтобусы и увозили в город, для них кошмар закончился. Спасатели каким-то чудесным образом сумели открыть дверь автобуса полностью. Показались носилки, которые бережно и осторожно спустили вниз и понесли к машине скорой. Так и есть, это тот самый парнишка, которого он обнаружил первым. Вторые носилки, на них девушка, совсем молодая и очень знакомая. Этого не может быть, слишком знакомая. Балашов как замороженный пошел следом. Не хотелось верить своим глазам, он убеждал себя, что устал, перенервничал, бредит. С какой стати Елизавета могла оказаться в этом проклятом автобусе? Так не бывает, ему наверняка

кажется, что это она. Но с каждым шагом он все яснее понимал, что это не наваждение и не выдумки. Он не ошибся, судьба вновь сводила его с девочкой. Для чего и почему – при таких трагических обстоятельствах?

– Никита Александрович, ехать пора. Следующий самолет на Москву через два часа, я позвонил в Адлер, забронировал места, если поедем сейчас, успеем наверняка.

Балашов слышал голос Алексея, он что-то говорил про самолет. Какой самолет? Ах да, они должны лететь домой. Конечно. Есть только одно заковыристое но. Пока он не убедится до конца, что с Елизаветой все в порядке, он никуда не полетит, это не обсуждается.

– Да что с тобой, в самом деле? Ты меня слышишь или нет? Я говорю, ехать пора. Иначе придется торчать в аэропорту до девяти утра, а там сервис сам знаешь какой.

Алексей попытался остановить Балашова и в сердцах схватил его за руку. Он не понимал, что происходит с шефом. Никита Александрович остановился на секунду, повернулся к Алексею, и тому стало неуютно. Он никогда не видел у своего начальника такого выражения лица. Работают они вместе не первый год, съели не один пуд соли, побывали в разных ситуациях, но сейчас Алексей не узнавал Балашова. Пустой, отсутствующий взгляд, совершенно несвойственный Никите, выдавал полную потерянность, сигнализировал о нешуточной беде. Бредет за носилками, будто на них увидел близкую родственницу, беда, да и только. Шок, что ли, у мужика? Нет, слава тебе господи, заговорил, только лучше бы молчал. Несет полный бред, который сразу и переварить невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.